

ЖЕЛАНИЕ прославиться характерно для любого возраста. Слава — это сладкий дым. А когда нечем прославиться, то человек пытается заявить о себе громким и иногда неуместным криком, неумным разговором, экстравагантным поступком. Стремиться к известности и славе, конечно же, нужно, но нужно приобретать известность и почет трудом и только трудом. Хотелось бы избежать менторского, назидательного тона в разговорах с нашим молодым коллегой — студентом исторического факультета. Хотелось бы признать, что недостатки его выступления на страницах газеты «Ленинградский университет» — это и наши недостатки как воспитателей и педагогов. Но мы движимы надеждой, что разговор с собеседником будет, конечно же, продолжен, но уже на новом уровне знаний и подготовленности с его стороны. Тем более, что нам нужен такой оппонент, аргументы которого в споре основывались бы на глубоком знании предмета, литературы, источников. Конечно, нет предела познанию столь сложного явления, как история нашего университета на рубеже XVIII—XIX вв. Скажем прямо, мало мы, историки, занимаемся этим периодом. Но это не значит, что С. Лобачеву свои высказывания, антитезисы позволено строить на песке. И куда как было бы приятно, если бы С. Лобачев, как будущий профессиональный историк, за контраргументами сам бы обратился к архивным документам.

Мы понимаем, что в споре с Лобачевым мы должны быть сдержанными и постараться не задевать собеседника-студента. Правда, критический ответ на его выступления уже дан и в ряде номеров «Ленинградского университета», и в ведущем журнале «Вопросы истории», но разговор должен быть продолжен. И было бы неплохо, если бы он продолжился и после этого нашего выступления. История нашего университета неразрывно связана с историей Отечества. Это богатейший кладезь опыта, знаний, человеческих отношений, педагогических достижений.

Однако конкретно надо сказать несколько слов в ответ С. Лобачеву и непосредственно затронуть факты, изложенные в его статье.

Необходимо признаться, не очень-то вдохновляет перспектива разговора с собеседником, для которого начало университетского образования — «ничто» (см. С. Лобачев, «Много шума из ничего» — «Ленинградский университет», 1989, от 17 февраля), а дискуссия 1983 года по этой проблеме с участием ведущих ученых университета — «игра в одни ворота» и не более, чем «шум».

Но, по мнению нашей любимой газеты, статья С. Лобачева знаменует «новый раунд обсуждения вопроса о том, «Сколько лет Ленинградскому университету», и прямо содержит обращенный к сторонникам защищаемого нами взгляда полемический вопрос.

Приходится отвечать.

Пожалуй, с этого вопроса и начнем. С. Лобачев спрашивает у «сторонников Ю. Д. Марголиса и Г. А. Тишкина: не является ли тот факт, что академический университет существовал с перерывами и изменениями в модификации, что его научная и учебная деятельность была едва заметна на поверхности общественной жизни, не является ли этот факт лучшим доказательством того, что никакой необходимости в учреждении университета в Петербурге не было так же, как и не было необходимости в паровой машине И. И. Ползунова?».

К сожалению, вопрос этот — свидетельство существенных изъянов историзма мышления, о чем

нельзя не сожалеть, свойственно его автору, будущему профессиональному историку. Ведь не думает же наш оппонент, что раз до 1861 года (да и позднее) не было в России свободы от крепостничества, стало быть, не было в том «общественной необходимости»? В противоречии с фактами автор позволил себе назвать «едва заметной» деятельность университета, в котором молодежь обучали Л. Эйлер и М. Ломоносов, опыт которого включал систему лекционного образования, производственных практик (в том числе и

в зарубежных университетах), научные экспедиции, из стен которого вышли десятки будущих членов академии наук. Как же можно отрицать существование Петербургского университета, если все действительные члены Академии наук, русские по национальности, были в XVIII веке его питомцами. Попытка уничижения Петербургского университета оборачивается демонстрацией элементарной неразвитости того, что в полемике называют «культурой несогласия».

Эта культура предполагает уважение к фактам, которое только и может обеспечить достоинство спора. А с фактами С. Лобачев расходится едва ли не в каждом абзаце своей статьи. Он пишет, будто авторы книги «Отечеству на пользу, а россиянам во славу» обошлись «без сравнения» Петербургского университета с Московским и тем более зарубежными университетами, и пишет неправду. Такие сопоставления проводятся в книге постоянно, причем приведена, что называется, историография этих сопоставлений от Петра I до Д. И. Менделеева и вплоть до наших современников, участников дискуссии 1983 года. В книге использованы данные об истории университетского образования во Франции и Голландии, Испании и Англии; специальные страницы посвящены тому, что из опыта Петербургского университета было использовано в процессе становления Московского.

Можно только руками развести, читая у С. Лобачева, что в книге, специально посвященной университетскому образованию в Петербурге, цитирование проекта об учреждении Академии наук и искусств 1724 года «совершенно необоснованно». Нам-то кажется, что, напротив, пренебрежение этим важнейшим документом обосновать было бы совершенно невозможно.

С. Лобачев, с новой стороны демонстрируя уровень собственной «культуры несогласия», рекомендует нам уяснить себе, какие учреждения вообще следует именовать университетом. Самому ему кажется, будто латинское «университетас» означает «...коллектив людей». Снова огорчим

С. Лобачева: ни наставники, ни учащиеся феодальных и даже раннебуржуазных университетов коллективов не означали. А вот такими родовыми признаками университета, как совместный учебно-научный труд профессоров и студентов под руководством академиков-профессоров, ориентированность на изучение природы и истории. Отчизны, индивидуальность и высокая эффективность обучения, приоритет его лекционной формы, становление и развитие научных школ как базы набравшей силу концепции университетской автономии, — основанный Петром Великим и укрепленный действиями М. В. Ломоносова университет в Петербурге «осмнадцатого столетия» обладал. Что же до автономии, то на этот раз в согласии с фактами С. Лобачев готов, кажется, признать, что ее отсутствие в условиях российского абсолютизма неизбежно, вовсе не аргумент в пользу отрицания исторического бытия университетов в России.

Тот факт, что начало университетского образования в Петербурге приходится на 1724 год,

того, что эта позиция вопреки фактам отсекает целый век в истории отечественного высшего образования. Этим история национальной культуры не только обедняется, но и существенно искажается. Так получается, что «темным» делом предстают не попытки новой датировкой закрепить вновь коллективно осмысленные факты университетской истории, а намерение увести от этой очевидной необходимости.

Анализируя историю университетского преподавания в Петербурге во второй половине XVIII века, необходимо также подчеркнуть следующее. Вслед за спадом, наступившим после смерти великого ученого, заботливого и беспокойного ректора Петербургского университета М. В. Ломоносова, яркой страницей истории развития университета становятся годы, когда во главе Петербургской Академии наук находилась Е. Р. Дашкова. Непосредственным руководителем Академических гимназистов и элевов с 1777 г. по 1794 г. был деятельный, добросовестный помощник Е. Р. Дашковой, бывший студент уни-

наиболее расстроенном виде. Замечательный организаторский талант Е. Р. Дашковой, а также тот опыт, который она приобрела в своих предшествующих путешествиях по странам Западной Европы, примеры организации университетского преподавания, с которыми она познакомилась во время учебы сына в Эдинбургском университете (Шотландия), были ею толково и широко использованы для строительства университетской школы на Васильевском острове.

Мы хотели бы обратить внимание читателя, в том числе и С. Лобачева, что многое из того, что Е. Р. Дашкова сделала, опиралось не только на зарубежный опыт, но и на ее бережное и внимательное отношение к истории тех учреждений, которые были переданы Екатериной II в ее ведение. Здесь речь идет прежде всего о восприятии Дашковой наследия от М. В. Ломоносова. Оно проявилось в заботе о совершенствовании преподавания на русском языке, в организации публичных летних лекций профессоров университета для всех желающих, в издании собрания сочинений М. В. Ломоносова, в установлении тесных учебно-научных связей с западноевропейскими университетами. Все это уже было опробовано университетом в Петербурге в предшествующие десятилетия. Опыт этот накапливался в условиях совместной острой борьбы передовых преподавателей, как русских, так и иностранцев, против косности и невежества, которые поддерживались и зачастую поощрялись руководителями Российской империи, т. е. теми, кто в первую очередь должен был думать о ее благе, о развитии просвещения и грамотности, о подготовке национальных научных кадров.

Можно с полной уверенностью сказать, что не будь в истории Петербургского университета последней трети XVIII столетия Е. Р. Дашковой, университетские курсы в стенах Академии наук прервались бы так же легко, как это бывало несколько раз в годы его истории, предшествовавшие ректорству М. В. Ломоносова.

Поскольку С. Лобачев даже и не пытался опровергнуть основных фактически обоснований концепции университетской истории, развернутой в книге «Отечеству на пользу, а россиянам во славу», то его статья, некорректная в отношении позиции многих университетских ученых, предстает даже и не проявлением «игры в одни ворота», а образчиком симуляции полемики — явления отнюдь не редкого в наше интимное время. Начался ли новый «раунд»? Приходится в этом усомниться.

Однако прав выступивший с ответом С. Лобачеву доктор филологических наук, доцент А. И. Зайцев. Трудно перестроить свое мышление и освободиться от навязчивых стереотипов. Наш долг, долг авторов, помочь читателю. Видимо, надо активнее писать новую работу, содержащую более подробный анализ истории университета на рубеже XVIII—XIX вв. Все мы, участники полемики, читатели газеты, должны также поддержать конкретные идеи, предложенные Михеевым. Действительно, кто нам мешает отметить дату рождения университета, которая соответствует истине — 1724 год? Тем более, что еще в 1984 году ученый совет нашего Ленинградского университета, основываясь на решении созданной им специальной комиссии, признал датой основания 28 января 1724 года (по старому стилю).

Ю. МАРГОЛИС,
Г. ТИШКИН

СИМУЛЯЦИЯ ПОЛЕМИКИ

Сколько лет «Ленинградскому университету»?

«Много шума из ничего»

«ЛУ» № 6

установлен документально. Факт преемственности в его развитии вплоть до возобновления университета в Петербурге в 1819 году — на основании четырех разных документальных источников, в книге подробно охарактеризованных. Среди этих источников, напомним, что сенатский указ 28 января 1724 г. и другие документы о начальном этапе университетской истории; фактически впервые подвергнутые анализу протоколы Конференции университетской профессуры (академиков); документы, запечатлевшие бесстрашную борьбу Ломоносова за предоставление университету в Петербурге необходимых привилегий; документы и материалы по истории учительской семинарии, ставшей наряду с академическим университетом еще одним истоком университета, воссозданного в 1819 году. Споры нет, в фондах Центрального государственного исторического архива, а особенно в Архиве Академии наук, немало использованного научкой материала по истории академии, в том числе и академического университета. Но наиболее содержательные материалы по этой истории, смеем утверждать, опубликованы. Исходный же тезис С. Лобачева, будто новое в исторических исследованиях обеспечивается только архивными материалами, противоречит и азбуке науковедения, и опыту исторических изысканий, в которых огромное место принадлежит научной интерпретации данных, полученных сколь угодно давно.

Ну, и наконец, о лжепатриотизме. По-видимому, истинно патриотической позицией С. Лобачев считает собственную, не замеча-

ю университета, академик И. И. Лепехин.

В историографии Петербургского университета случилось так, что историки искали его имя в документах второй половины XVIII в. и не могли найти. Это породило стойкую легенду о самовольном исчезновении или закрытии университета. Возможно ли было допустить такое самоуправство в столице столь централизованного государства, каким была Российская империя? Представьте, С. Лобачев позволяет себе такое. Хотя трудно было бы не заметить очень важное преобразование учебной части Академии наук, начатое в 1770 году по инициативе профессора Л. И. Бакмейстера. Почему наши оппоненты не обращают внимания на эту реформу? Университет существовал под одной крышей с гимназией. Эти два учебных заведения слились в одно: гимназию.

Мы сегодня, часто невольно, используем свое, конца XX в., понимание слова «гимназия» для объяснения явления конца XVIII века. Но ведь гимназия — это не обязательно среднее учебное заведение! В стенах гимназий и лицее давалось как среднее, так и высшее образование. Такая форма учебных заведений в России на рубеже XVIII—XIX вв. была довольно широко распространена. Вспомним Царскоевский, Демидовский, Рашильевский лицеи, С.-Петербургскую, Каменец-подольскую и Нежинскую гимназии.

Дашкова приняла под свое руководство гимназические и университетские курсы в Петербурге в начале 80-х годов XVIII века, в тот момент, когда они были в